

Ван Иньи смотрел на сына, который ел свинину так, словно пробовал её впервые, и молча взял палочками кусочек вырезки... Господи, как нежно, как тает во рту, а в сочетании с густым соусом — просто божественно. Он проиграл. Ван Иньи со смешанными чувствами сопротивлялся искушению доест всё и с лёгкой завистью похвалил Мяо Сюя:

— Не думал, что ты так здорово готовишь.

Мяо Сюй остался невозмутим:

— В детстве часто оставался дома один, так что за долгие годы хочешь не хочешь, а научишься.

Ван Иньи до этого собирал досье на Мяо Сюя и знал о его семейных обстоятельствах, но тот впервые сам завёл разговор о детстве. Ван Иньи представил, как именно Мяо Сюй «тренировал» своё кулинарное мастерство, и на душе стало спокойнее. Мяо Сюй тут же сменил тему:

— А когда начал работать, жил в общежитии, питался кое-как, вот и готовил редко.

Ван Иньи внезапно вспомнил день, когда помогал Мяо Сюю с переездом. Он ожидал горы вещей, приехал на машине, настраиваясь на серьёзный лад, а Мяо Сюй вынес всего две маленькие сумки. Ван Иньи молчал, а Мяо Сюй, решив, что задел его самолюбие, добавил:

— Я очень занят на работе, времени на готовку нет, только изредка получается что-то приготовить, в остальное время — вся надежда на тебя.

Чжаочжао, который, уплетая тушёное мясо, прислушивался к разговору взрослых (пусть и не понимая глубокого смысла), вдруг приуныл. Если Мяо Сюй больше не будет готовить, значит, снова придётся есть стряпню дяди Хаски?

Увидев, как изменилось лицо сына, Ван Иньи нахмурился и заверил Мяо Сюя:

— Хоть сейчас я готовлю хуже тебя, я буду стараться.

Мяо Сюй взял себе кусочек овощей и с лёгкой улыбкой заметил:

— У тебя же есть кулинарная книга, разве нет?

Как бы толстокож ни был Ван Иньи, сейчас он слегка смутился:

— Мне кажется, пора её заменить.

Трое из них впервые проводили время так душевно. Ван Инчжао, как типичный ребёнок, забыл об отце, едва почувствовал вкус еды, и уткнулся в тарелку, уплетая мясо и косточки. Смотреть на это было больно — как же проголодался ребёнок! Ван Иньи мысленно выругал Цяо-хаски, укорил себя и тоже присоединился к мясной трапезе. Мясо было мягким, сочным — просто объедение... Ван Иньи хотел покорить Мяо Сюя ужином, но в итоге сам оказался покорён кулинарией Мяо Сюя.

Почти всё со стола было уничтожено «большим и маленьким Ванями». Чжаочжао, наевшись, сидел в кресле и икал. Мяо Сюй уже хотел встать, чтобы помыть посуду, но Ван Иньи остановил его:

— Ты готовил, теперь моя очередь мыть. — Он убрал со стола и унёс посуду на кухню.

Мяо Сюй и Чжаочжао остались смотреть друг на друга. Мяо Сюй решил провести небольшую агитационную работу. Малыш инстинктивно отодвинулся подальше.

— Вкусно было? — спросил Мяо Сюй.

Чжаочжао, не в силах перечить собственному желудку, робко кивнул.

— Ещё хочешь?

Кивок повторился.

Мяо Сюй улыбнулся:

— В следующий раз сделаю курицу: хрустящая кожица, нежное мясо, внутри полно пряностей — от одного запаха слюнки текут.

Чжаочжао слушал, открыв рот, и сглотнул слюни. Мяо Сюй смягчился — ребёнок больше не дрожал, слушая его. Он включил всё своё обаяние:

— Понял теперь, что полицейский дядя, который готовит для тебя вкусняшки, — не плохой человек?

Ван Инчжао всё ещё сомневался, ведь учительница говорила, что плохие люди подкупают детей вкусной едой. Мяо Сюй продолжил «обработку»:

— Знаешь, в Китае есть поговорка: «Кто съел — тот в долгу, кто взял — тот в долгу». Раз ты поел моей еды, значит, теперь ты мой малёк, понял?

Мяо Сюй привык общаться с преступниками, и сам не заметил, как его тон стал звучать угрожающе. Ван Иньи, наблюдавший за этой сценой из коридора, не выдержал, вошёл и сказал сыну:

— Если будешь дружить с дядей Мяо, он будет готовить для тебя вкусности.

Ван Инчжао, однако, переключился на слова Мяо Сюя и начал изучать свои ручки. Если съест еду дяди Мяо, его ротик и лапки правда станут короче? В общем, несмотря на некоторое недопонимание, ужин удался на славу.

Позже вечером Ван Иньи читал сыну сказки, учил английские слова, а потом выпустил утку поиграть, перед тем как уложить Чжаочжао спать. Мяо Сюй потихоньку начал понимать распорядок дня Ван Иньи и пришёл к выводу, что мужчине в одиночку воспитывать ребёнка совсем нелегко. Когда он согласился на брак, Ван Иньи постоянно повторял, что у него есть сын, словно боялся, что это станет обузой. Мяо Сюю было всё равно — в его понимании один человек — это семья, двое — семья, и трое — тоже семья.

Он видел множество конфликтов на улицах и по опыту знал: характер ребёнка сильно зависит от воспитания. Ван Иньи был вежлив и галантен, значит, и ребёнок не должен был быть проблемным. И правда, пятилетний Чжаочжао был на удивление послушным. Даже пугающе послушным: никогда не капризничал, а если его обижали — просто стоял в сторонке с глазами, полными слёз, и молчал. Что пришлось пережить этому ребёнку? И что пришлось пережить самому Ван Иньи?

Уложив Чжаочжао, Ван Иньи вышел из комнаты и нашёл Мяо Сюя на балконе второго этажа. С

тех пор как Мяо Сюй переехал, он обитал лишь в нескольких точках на первом этаже, не касаясь других частей дома. Ван Иньи специально сказал ему не ходить на третий этаж, и тот, кажется, вообще не обратил на это внимания. Подобное поведение лишь напоминало Ван Иньи: «стейк» ещё не дошёл до готовности.

Он подошёл к Мяо Сюю и заметил, что тот пьёт пиво. Мяо Сюй потягивал напиток, и в его движениях чувствовалась уверенная, сдержанная мужская стать. Ван Иньи задержал на нём взгляд. Мяо Сюй достал из упаковки ещё банку и бросил её Ван Иньи:

— Будешь?

Ван Иньи сел рядом и открыл банку. Они чокнулись.

— Спасибо за тот день, — сказал Мяо Сюй.

— За какой? — рассеянно спросил Ван Иньи.

— Когда ты принёс мне еду.

Ван Иньи отозвался коротким звуком. В тот день он не собирался ничего приносить, но ассистент распознал шакалов, а они часто нападают стаей, поэтому он страшно заволновался и нашёл предлог встретиться с Мяо Сюем (правда, предлог не понадобился).

— Еда была так себе, небось смеялся про себя? — Ван Иньи всё ещё чувствовал укол гордости.

Мяо Сюй улыбнулся:

— С чего бы? Ты не знаешь, как сильно я был тронут.

Ощущение того, что кто-то о тебе заботится, — он давно этого не испытывал. Ветер ласкал балкон, воздух слегка дрожал, и это дрожание коснулось их обоих, взъерошив волосы Мяо Сюя. Ван Иньи не удержался и поправил ему пряди. Мяо Сюй поднял глаза. Ван Иньи подумал: «Как же он наивен? Сделал предложение, и он просто взял и согласился». Ван Иньи плёл свои мечты о «совместной жизни», а Мяо Сюй просто попался на крючок.

Атмосфера была такой подходящей, что Ван Иньи осмелел:

— Стейк уже почти готов?

Мяо Сюй улыбнулся краешком губ:

— Почти, добавь огня.

Ван Иньи задумался, как именно нужно «добавить огня», и его мысли понеслись в странную сторону. Неожиданно Мяо Сюй добавил:

— Сейчас самое время. Это тебе.

Он протянул Ван Иньи банковскую карточку. Тот уставился на неё:

— Что это?

— Моя зарплатная карта.

Ван Иньи опешил:

— Зачем?

— В семье кто-то должен распоряжаться бюджетом, не жить же отдельно.

Погодите, разве обычно муж не сдаёт все деньги жене? Ван Иньи ошарашенно смотрел на Мяо Сюя — не перепутали ли они роли?

— Забирай, я всё равно мало трачу, будешь покрывать домашние расходы.

— У меня есть деньги... — слабо возразил Ван Иньи.

Мяо Сюй прервал его воспитательным тоном, как у настоящего полицейского:

— Знаю, что есть, раз живёшь в таком доме. Но если всё время жить на накопления родителей, когда-нибудь они закончатся. Чжаочжао скоро в школу, образование нынче дорогое, надо думать наперёд.

Ван Иньи послушно слушал наставления.

— И вообще, мне кажется, ты слишком расточителен. Например, Маомао — это же дорого? Не думай, что я не знаю: ко-утки стоят больше десяти тысяч.

Маомао был настоящей породистой уткой из Голландии, с короткими ножками и белым пухом, — цена на таких была кусачей.

Ван Иньи оправдывался:

— Мы вывели её из яйца, одно яйцо стоило три тысячи.

Мяо Сюй сверкнул глазами:

— А если бы оно не вылупилось? Деньги на ветер!

— Если неудача — возвращают деньги, — продолжал защищаться Ван Иньи. — Есть яйца по пятьсот, где всё зависит от удачи, но мы брали подороже.

Мяо Сюй просто смотрел на него. Ван Иньи замолчал.

— Ты же не работаешь, надо думать о будущем, — продолжал Мяо Сюй.

Потрясающе. Мяо Сюй моложе его на пять лет, но ворчит так, что даже мама Ван Иньи до такого не опускалась. Банковская карта в руке внезапно стала тяжелее тонны.

— Ты отдаёшь мне зарплату и при этом говоришь, что я транжира, не боишься, что всё спущу?

— Я доверяю тебе и воспитываю в тебе бережливость.

Ван Иньи решил сдаться и убрал карту. В этих вопросах полицейского не переспорить.

— Да, и ещё кое-что, — добавил Мяо Сюй.

«Что ещё?» — Ван Иньи напрягся.

Мяо Сюй отпил пива:

— Может, я лезу не в своё дело, и ты можешь отказаться, но я всё же хочу сказать.

Ван Иньи охватило дурное предчувствие.

— Ты же говорил, что хочешь продавать недвижимость? Я проходя мимо агентства зашёл разузнать — им как раз нужны люди. Я поговорил с менеджером, можешь сходить попробовать.

Сердобольный полицейский Мяо устраивает господина Вана на работу, отчего господин Ван впадает в транс.

— Там оклад три тысячи плюс проценты.

Ван Иньи: «...» Три тысячи — это цена одного утиного яйца.

Перед тем как они поженились, Мяо Сюй спросил его о работе, и Ван Иньи ляпнул первое, что пришло в голову — «продавать недвижимость», — забыв, что семья Ван — это девелоперы-застройщики!

<http://bllate.org/book/17638/1646580>